

Адам Мицкевич

**Сочинения Адама
Мицкевича**

Том 2-3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А28

А28 **Адам Мицкевич**
Сочинения Адама Мицкевича: Том 2-3 / Адам Мицкевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 822 с.

ISBN 978-5-517-96620-9

ISBN 978-5-517-96620-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГРАЖИНА.

Гражина.

Повѣсть литовская.

Ночь ужь наступила. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ.
Доль покрыть туманомъ. Съ горней вышины,
Трепетно въ полглаза смотритъ и блѣднѣетъ,
Перерѣзанъ тучей, томный ликъ луны.
Миръ весь — точно храма портикъ триумфальный;
Тамъ — густыя тѣни, тамъ — озарено;
Небо-же съ луною — куполь каѳедральный,
Гдѣ мерцаетъ тускло круглое окно.

И, при лунномъ свѣтѣ, замокъ возвышался
На одной изъ злчныхъ новогрудскихъ горъ.
Мракъ широкой тѣни съ башенъ низвергался
И чрезъ валъ дерновый, гдѣ ходилъ дозоръ,
Падалъ, опрокинуть, прямо въ ровъ бездонный,
Гдѣ дремала плѣсень надъ водою сонной.

Тишина повсюду; огоньки угасли;
Сномъ объять весь замокъ, и пора! Не часъ-ли
Полночи глубокой? Стражи лишь не спятъ,
И, перекликаясь, съ валу вдаль глядятъ.
Тамъ имъ смутно видны, въ родѣ привидѣній,
Люди, и за каждымъ снопомъ бѣгущей тѣни.

Ихъ движенье быстро: вѣрно; на коняхъ!
 Отъ фигуръ ихъ отблескъ: знать, тѣ люди въ
 латахъ!

Подъѣзжаютъ. Точно! въ шлемахъ, при булатахъ,
 Рыцари. Ихъ трое. Кони въ запыхахъ —
 Ржатъ. И старшій рыцарь, озираясь строго,
 Грянулъ тоекратно мощнымъ звукомъ рога.
 Съ башни рогъ отвѣтный протрубилъ — и вотъ
 Вспыхнулъ встрѣчный факель, и сѣдыхъ воротъ
 Петли завизжали; крюкъ съ кольца свалился:
 Брякъ — и мостъ подъемный съ громомъ опустился.

Многіе изъ замка къ всадникамъ толпой
 Вышли, знать желая: кто тамъ? что такое?
 Видятъ: главный рыцарь, въ полномъ бранномъ
 строѣ,
 Смотритъ истымъ нѣщимъ, выраженнымъ въ бой.
 Грозныя движенья онъ даетъ десницѣ:
 При копѣ онъ длинномъ и стальномъ мечѣ;
 Виденъ крестъ нагрудный въ золотой петлицѣ,
 Бѣлый крестъ на черной вышитъ спанчѣ,
 И при всемъ, что нужно воину для битвы:
 Подъ рукою четки, знакъ святой молитвы.

Рыцаря литвины изъ примѣтъ узнали
 И потомъ со злостью межъ собой шептали:
 «Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!
 Тучень прусской кровью, что всѣдневно пьетъ.
 Эхъ, когда-бъ не стража!... Что стоять въ раз-
 счѣтѣ?
 Подъ мостъ-бы собаку! Сгниль-бы тамъ въ болотѣ!
 Рыцарь словъ обидныхъ будто-бъ не слыхаль,

Но челомъ склонился и задумчивъ сталъ.
Отчего-жь онъ разомъ въ думу впалъ такую?
Слышалъ! И, хотъ нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую!

«Князь вашъ въ замкѣ, дома?» вдругъ онъ крик-
нулъ грозно.

— «Дома», отвѣчаютъ, «но теперь ужъ поздно,
Полночь! Въ это время онъ не приметъ васъ.

Завтра, можетъ статья». — «Я хочу сейчасъ!»

— «Но тревожить князя въ эту пору....» —

«Мигомъ донесите князю Литавору

О моемъ прибытѣ! Вотъ вамъ перстень мой!

Кто мы, этотъ вензель Литавору скажетъ,

И въ своемъ приѣмѣ онъ мнѣ не откажетъ:

Я вамъ отвѣчаю этой головой!»

Тихо все той ночи на спокойномъ лонѣ.

Осенью лучъ утра выйти не спѣшитъ.

Что-жь у Литавора, въ правомъ павильонѣ,

И теперь свѣтильникъ звѣздочкой горитъ?

Онъ далеко ѣздилъ, воротился къ ночи:

Сна просить должны-бы княжескія очи!

Но не спитъ, не спитъ онъ. Сбѣгали, узнали,

Что не спитъ — и только. Слуги не дерзали

Къ князю въ это время позднее войти;

Страшно то казалось и дворцовой стражѣ;

И къ кому князь близокъ, тѣ не смѣли даже;

А посоль торопить: надо донести!

Наконецъ рѣшились — разбудить Рымвида:

Онъ на все имѣетъ полныя права;

Онъ въ бояхъ при князѣ — щитъ его, эгида;

Въ княжескомъ совѣтѣ — съ толкомъ голова,
 И, всю цѣну зная таковымъ заслугамъ,
 Литаворъ Рымвида называетъ другомъ,
 И, бывая въ духѣ, онъ о немъ порой
 Говорить съ улыбкой: «Это — я второй».
 Спать-ли князь, не спать-ли, и здоровъ иль бо-
 лень —
 Всюду для Рымвида входъ къ нему дозволенъ.

Тотъ пошелъ. У князя — полумракъ. Лампада,
 Кажется, сейчасъ-бы и погаснуть рада:
 Литаворъ, шагами возбуждая гулъ,
 Тамъ ходилъ по плитамъ комнаты пустынной,
 И по серединѣ этой залы длинной
 Вдругъ остановившись, въ мысляхъ утонулъ.

Вдругъ — Рымвидъ! Но взоромъ князь его не
 встрѣтилъ,
 Выслушалъ о нѣмцахъ, только — не отвѣтилъ;
 То краснѣлъ, то снова страшно блѣденъ былъ,
 Быть себя спокойнымъ онъ не могъ заставить,
 Подошелъ къ лампадѣ, будто-бы оправить,
 И свѣтильню пальцемъ ко дну придавилъ;
 Впрочемъ неизвѣстно — пусть то будетъ тайна —
 Съ умысломъ то было, или такъ, случайно.
 Можетъ быть, хотѣлъ онъ мрака для того,
 Чтобъ лицомъ незримымъ предстоять Рымвиду,
 Чтобы тотъ, догадкой, по чертамъ, по виду,
 Не проникъ въ мышленья тайныя его.
 И пошелъ онъ снова бурною походкой;
 Но когда достигнулъ до окна съ рѣшеткой,
 Гдѣ лучами мѣсяцъ въ комнату проникъ,

Видны стали — лобъ тотъ, сходный съ мракомъ
 ночи,
 Стиснутыя губы, огненные очи
 И суровый, грозный, воспаленный ликъ.

Вдругъ оборотился, зашагалъ проворно,
 Приказалъ Рымвиду на-глухо для всѣхъ
 Дверь замкнуть, усѣлся, и, смѣясь притворно,
 Произнесъ сквозь горькій, судорожный смѣхъ.

«Ну, Рымвидъ, не самъ-ли ты привезъ изъ
 Вильны
 Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ все-
 сильный,

Лидскую мнѣ область вздумалъ даровать?
 Мнѣ мое-жь дать хочеть — то, что Литавору
 За женой приданымъ шло по договору!
 Правда-ль это?» — «Правда!» — «Надобно-жь при-
 нять

Намъ теперь по-царски новую державу.
 Прикажи-ка нашимъ выступить на славу!
 Трубачей! штандарты! и огней! огней!
 Пусть идутъ на Лиду и пируютъ въ ней!
 Съ торжествомъ побѣднымъ пусть на рынокъ ста-
 нутъ,

Разовьютъ знамена, звучно въ трубы грянуть,
 И неугомонно пусть трубятъ, трубятъ!
 Да пускай исправно сабли наострятъ:
 Пусть надежны будутъ панцыри, кирасы!
 Фуражу и пищи добрые запасы
 Надо взять въ дорогу. Да огня! огня!
 Факеловъ! Пусть будетъ ночь яснѣ дня!

Ты, Рымвидъ, веди ихъ? Въ Лиду — вамъ дорога.
Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога, —
Въ полномъ ратномъ строѣ ждите тамъ меня!»

Такъ распоряжаться князю Литавору
Быль ужъ не ново; только отчего
Весь онъ такъ встревоженъ! Вдругъ, въ такую
пору,

Отправляетъ въ Лиду! Голосъ у него
Такъ звучитъ неровно! Рѣчь его сурова?
Это ничего-бы: онъ теперь сердитъ;
Но онъ какъ-то страненъ: выскажетъ полслова,
А полслова въ сердцѣ, кажется, сидитъ.
«Онъ иное мыслить, говоря про Лиду!»
Такъ, по всѣмъ примѣтамъ, думалось Рымвиду.

Литаворъ молчаньемъ долгимъ выражалъ,
Что Рымвидъ отпущенъ съ боевымъ народомъ
Въ путь. Чего-жь онъ медлитъ? Но своимъ ухо-
домъ

Тотъ не торопился: онъ соображалъ
Тѣ слова, что слышалъ, и въ умѣ предвидитъ,
Что изъ словъ столь легкихъ толкъ нелегкій выдетъ.

Такъ! Но что-жь тутъ дѣлать? Знаетъ онъ, что
князь,
Если ужъ однажды мысль въ немъ родилась,
Стѣбкъ, и не внемлетъ ничьему совѣту,
Разсужденій длинныхъ онъ не терпитъ; свѣту
Цѣлому пошелъ-бы онъ на переборъ.
Что-жь? вступать Рымвиду съ княземъ въ разго-
воръ?

Иль смолчать ужь лучше? Умъ его двоился:
Такъ и этакъ — плохо! Но Рымвидъ рѣшился.

«Князь!» сказалъ онъ твердо: «Что ни повелить
Намъ твое драгое княжеское слово,
Наши люди, кони — все сейчасъ готово;
Въ дѣлѣ не послѣднимъ будетъ и Рымвидъ.
Но есть разность въ людяхъ: тѣ къ повиновенью
Рождены слѣпому, эти — къ разсужденью.
Твой отецъ покойный собиралъ совѣтъ
Изъ мужей достойныхъ. Самъ я «да» иль «нѣтъ»
Въ важномъ томъ собраньи говорить могъ смѣло,
Разумомъ спокойнымъ обсуждая дѣло.
Такъ позволъ-же старцу, что такъ много лѣтъ
Служить, весь израненъ, нажилъ бѣлый волосъ,
Предъ тобой впервые здѣсь возвысить голосъ!
Если ты на Лиду намъ итти велишь,
Ты, своей-же власти, тамъ и здѣсь вредишь:
При завоеваньяхъ, грабежи — обычай;
Изъ людей ты нашихъ сдѣлаешь волкѡвъ;
Этимъ — дашь ты случай тѣшиться добычей,
Тѣмъ — ты угрожаешь тяжестью оковъ.

«Слухъ пойдетъ по краю: «Это что за чудо!
Это что за диво!» скажутъ тамъ и тутъ:
«Плодъ намъ выросъ горькій: сѣмена откуда?
Это, видишь, нынче славою зовутъ!
Литаворъ, тамъ скажутъ, водворилъ тиранство!
Сѣлъ вдругъ панъ, незванный, на чужое панство!»

«Нѣтъ, не такъ водилось прежде встарину,
У князей литовскихъ: тѣ въ свою страну

Не вносили, помню, вреднаго насилья,
 А несли порядокъ, благость, изобилъе,
 Рѣчь моя простая опытомъ крѣпка!
 Князь! Уважь холодный разумъ старика!

«Мы отправимъ прежде въ Лиду приглашенъе
 Къ рыцарству и разнымъ городскимъ властямъ,
 Къ гражданамъ знатнѣйшимъ: пусть на совершенъе
 Праздничнаго пира соберутся тамъ!
 Пригласимъ къ собранью всѣхъ владѣльцевъ мѣст-
 ныхъ:

Пусть придутъ въ городъ и изъ селъ окрестныхъ!
 Я-жь съ разсвѣтомъ утра поспѣшу туда,
 Чинно съ капеланомъ, понабравъ народу
 И припасовъ разныхъ... вдоволь дичи, меду;

«Знаешь — угощаться наши господа,
 Такъ-же точно любятъ, какъ простые люди.
 Этимъ ты задобришь многихъ напередъ.
 Разспроси, коль хочешь, пожилой народъ!
 Ужь таковъ обычай на Литвѣ, на Жмуди;
 Скажутъ: «Пань-то славный!» — и молва пойдетъ».

Кончилъ; подошелъ къ окошку, и прибавилъ:
 — «Вѣтряно. Чтобъ къ утру тучъ не нанесло!
 Эва! Что за рыцарь тамъ коня поставилъ
 И стоитъ, накинувъ рѣку на сѣдло?
 А другіе двое, вонъ, коней проводятъ!
 А! Да это — нѣмцы, тѣ послы! Походятъ
 По всему на нѣмцевъ. Ихъ позвать иль нѣтъ?
 Иль черезъ меня ты дашь имъ свой отвѣтъ?»